

ПОРОЙ кинематограф принуждает нас забыть о том, что, помимо всего прочего, фильм должен нравиться либо нет. Бывает, просмотришь три тысячи метров пленки, неизвестно со всеми киногероями, вскроешь содержание, впитаешь в себя познавательные и воспитательные свойства кинополотна, а вот полюбить фильм или же отвратиться от него... как-то и не успеешь.

Фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (сценаристы В. Фрид, Ю. Дунский, режиссер А. Митта) достигает этой горячей точки зрительского интереса. Любопытное зрелище! Диковинный рассказ! Одни бранят его за пестроту и эклектику выразительных средств. Другие хвалят за удачу, веселую раскованность киноистории. Спорят! Гадают: таков ли царский арап, тот ли? Похож ли на царя Петра актер Петренко?..

Действительно, язык этой картины, где вступительные титры перемежаются русскими птицами, необузданно пестр. Русский лубок соседствует с мультипликационной Африкой. В старинные гравюры, в батальные и парадные картины дерзко врываются игровые киновпечатки. Каждый раз кинематографическое действо как бы на мгновение «на глазок» поверяется истиной стариной, чтобы рвануться дальше, продолжитьсь вольной кинофантазией.

Эта фантазия условна и иронична, когда мы попадаем в Париж. Эта фантазия красочна и романтична, когда перед нами возникает строящийся град Петра, Нева, еще не одетая гранитной рамой. Топь и грязь. И царь с топором на верфях. И мачтовый лес на крепких мужицких плечах. И гордые силуэты кораблей... Высокие мгновения истории России!..

Эта фантазия романтична, хотя возведенное в ней свободно уживается с низким, смешным и даже шутовским. Здесь и необузданые вспышки гнева, и фанаберия Петра. И плутовство свежевыбранных бояр. И тупость их сынов. Здесь, наконец, и хитроумная любовная интрига, история жениньбы царского арапа Ганибала. Пестрое действие! Оно многоярусно, как строящийся фрегат, на котором разыгрывается один из центральных эпизодов фильма — бал, знаменитая петровская ассамблея.

Гремит музыка, веселится собрание, движется в менюте царский арап с боярыней Наташей, Петр, попыхивая трубкой, здесь же вешил государевы дела, судно тем временем достраивают, шпаклюют на скорую (и жуликоватую) руку, и, заметив это, взбешенный царь рубит канаты, выбивает колодки и спускает проходившийся фрегат вместе с отплывающей ассамблей в ледяную невскую купель. Комично? Грязно? Но и возвышенное

Так и на всем есть здесь отсвет времени Петра.

Есть он и на любовной истории жениньбы царского арапа.

Вживаясь в стихию этого фильма, мы невольно перебираем жанры, к которым можно было бы отнести это кинозрелище. Авантурный, любовный роман или его пародия? Историческая комедия или сказка, наивная историей?

Наверное, не все знают, что царь Петр вовсе и не женил своего арапа. Ганибал женился позже, во времена царствования Анны. И первой супругой его была вовсе не русская боярышня, а дочь моряка-грека, оказавшаяся неверной женой, родившая Ганибалу бело-

Кадр из фильма. Царь Петр — А. Петренко, Ганибал — В. Высоцкий

ПАРУСА ФАНТАЗИИ

«Сказ про то, как царь Петр арапа женил»

го ребенка и заточенная в монастырь. Факты эти были, разумеется, известны А. С. Пушкину, писавшему в «Начале автобиографии»: «В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин».

Так не исключает ли это всякую возможность вымысленной истории?

Но ведь и сам Пушкин отступал от реальности! При жизни поэта в «Северных цветах» и в «Литературной газете» публиковались главы из исторического романа, описывающие и знакомство Ганибала с будущей женой боярышней Наташей Ржевской, и сватовство Петра в доме Ржевских. В стихах поэт повторял тот же русский мотив:

Как жениться задумал
царский арап,
Меж боярынь арап
похаживает,
На боярышн арап
поглядывает...

А как он арап чернешенек,
А она-то душа

белешенька.

Нам важно вспомнить об этом для того, чтобы понять авторов «Сказы», которые в своем вымысле ушли еще дальше, показав на экране счастливую взаимную любовь африканца Ганибала и русской девушки Наташи. Имели ли они на то право? Думается, да. Отступив, вслед за самим Пушкиным, от исторических фактов, они рассказали на экране сказку о жениньбе царского арапа, в которой есть, однако, поэтическая правда. Эта правда заключена в том, что Ибрагим Ганибал, воспитанный и наперсон Петра, действительно, был повенчан с высокими делами и судьбой России, и в том, что его державный крестный действительно был и покровителем, и дальневидным «сватом» такого союза Ганибала с Россией.

Об этом и рассказывает фильм. В этом его смысл, его доброта и поэзия. В этом зерно трех главных ролей «Сказы»: Петра — А. Петренко, Ганибала — В. Высоцкого и Наташи — И. Мазуркевич.

Похож ли на Петра актер Петренко? В той же мере, в какой Игорь Ильинский был похож на Кутузова в «Гусарской балладе» (ведь и Кутузов там действует на периферии исторического сюжета). В той же мере, в какой похож на Петра царь Петр, возникший в народных преданиях и сказках.

Романс о влюбленных можно сочинить сегодня. Сказ всегда придумывается до нас. Поэтому фольклорная основа «Сказы» В. Фрида, Ю. Дунского и А. Митты тяготеет скорее к исторической сказке, где действуют великий царь и его вельможи, храбрый молодец и его красна девица. Да, именно сказка прежде всего угадывается в новом фильме А. Митты, несмотря на кажущуюся отдаленность языка фильма от сказочного источника.

Пожалуй, мы просто привыкли к доморощенным одеяниям сказки на экране — чтобы непременно была избушка на куриных ножках, чтобы печь сама пекла пироги... И все же далеково отстоят от нас порой старые сказки. Когда мы их рассказываем по-стариковски.

Но думается мне (и не только в связи со «Сказом» про Петра), что сказочные фольклорные мотивы сегодня встречаются на экране и чаще, и не всегда там, где их привычно ожидать. Они вторгаются в совсем иные, казалось бы, чужеродные владения. Вспомните «Белое солнце пустыни» — приключенческий фильм на материале гражданской войны. Весьма легко была установлена его жанровая перекличка с «вестерном». Однако не менее прочные узы роднят «Белое солнце пустыни» с русской сказкой. Сам образ солдата, вечного и неувыдающегося странника, запутавшегося на чужой стороне, встретившегося и со злоключениями, и с искушением, и со смертью, конечно же, взят из сказочного, народного родника. И как

раз этой своей фольклорной узнаваемостью он обогащает смысл приключенческой киноистории, придает ей глубину сказочной притчи.

Возьмите новый литовский киномюзикл «Чертова невеста» режиссера А. Жебрюнаса. Из романа «Мельница Балтарагиса», послужившего основой мюзикла, А. Жебрюнас и композитор В. Ганелин взяли самый дух литовского фольклора, где народная фантазия и поэзия причудливо перемешаны с колдовством, сказка — с жизнью, где чертова сваха дружит с конокрадом, а мельник продает дочку черту. Об этом и фильм: о несчастливой доле старого мельника, о любви его прекрасной дочери и доброго молодца, о кознях черта.

И все это на киноэкране оправлено в форму современного мюзикла. Все разыграно и пропето так, как будто и не было вовсе старины, был всегда сегодняшний день и всегда крутились ветряные мельницы, всегда, сидя на судьбу, пели мельники арии — хрипловатым гембром, со скретами и синкопами, и всегда их прекрасные дочки нет-нет, да и срывались в танце на ритмы шайки.

В «Чертовой невесте» все нет унылой архаики, нет скучноватого музея старины с дотошно воспроизведенной этнографией — вас со всех сторон обступает веселая, привольная, нежная, зеленая земля Литвы, по которой с песнями, танцами, с ветром, лентами и бубнами в лошадиных гривах катит стремительное, яркое, озорное, сказочное и современное действие мюзикла.

...Сказка — и далекое петровское время. Сказка — и современный литовский киномюзикл. Сказка — и эхо гражданской войны. Сказка — и помеченные сегодняшним днем экранные истории Ролана Быкова «Айболит-66», «Автомобиль, скрипка и собака Клякс». Сказка вторгается сегодня в любые временные параметры, примеряет одежды самых разных и неожиданных киножанров. И в этом угадывается одно из плодотворных, тяготеющих к фольклорности направлений современного кино.